

УДК 82-312.6

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-124-130

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СООБЩЕСТВ В РОМАНЕ ТЕДЖУ КОУЛА «ОТКРЫТЫЙ ГОРОД»

© Евгений Куликов

CROSS-CULTURAL INTERACTION AND REPRESENTATION OF COMMUNITIES IN THE NOVEL “OPEN CITY” BY TEJU COLE

Evgeniy Kulikov

The modern humanities increasingly tend towards interdisciplinarity, developing various methods and optics of analysis within the framework of the general main topic. Such, for example, is the study of the urban text, begun by academician V. Toporov, which gained popularity only in the 21st century. Rapid changes in the way and pace of life, technologies, science and social structure over the past 150 years require a new understanding of the process of urbanization and modern trends in urban structure and urban life. However, not only the social and applied anthropology of the city itself can be interesting, but also its representation in literary texts. The object of this research is the novel “Open City” by the modern American writer of Nigerian descent Teju Cole, in which New York, as the title itself suggests, becomes the main character and the center of the narrative. The following topics investigated by the author are distinguished in the work: the search for national and cultural identity, the existence of society in multiculturalism, the possibility of building communities that provide the individual with primary, i.e. close connections. The article concludes that the modern state of society within urban locality is best characterized by the term “anomie”, marking the social entropy and disintegration of the axiological system.

Keywords: urban text, urbanism, identity, Teju Cole, Open City, community, multiculturalism, anomie

Современные гуманитарные науки все сильнее тяготеют к междисциплинарности, вырабатывая в рамках общей магистральной темы различные методики и оптики анализа. Таковым, например, становится изучение городского текста, начатое еще академиком В. Н. Топоровым, но обретающее популярность уже в XXI веке. Стремительные изменения в образе и темпе жизни, технологиях, науке и социальном устройстве за последние полтора века требуют нового осмысления процесса урбанизации и современных тенденций в городском устройстве и городской жизни. Однако интересна может быть не только сама социальная и прикладная антропология города, но и репрезентация его в литературных текстах. Объектом настоящего исследования становится роман современного американского писателя нигерийского происхождения Теджу Коула «Открытый город», в котором Нью-Йорк, как следует из самого названия, становится главным героем и центром повествования. В работе вычленяются следующие исследуемые автором темы: поиск национальной и культурной идентичности, существование социума в условиях мультикультурализма, возможность построения сообществ, обеспечивающих индивида первичными, т.е. близкими, связями. Делается вывод о том, что современное состояние общества в пределах городской локальности лучше всего характеризуется термином «аномия», знаменующим социальную энтропию и распад системы ценностей.

Ключевые слова: городской текст, урбанизм, идентичность, Теджу Коул, «Открытый город», сообщество, мультикультурализм, аномия

Для цитирования Куликов Е. Кросс-культурное взаимодействие и репрезентация сообществ в романе Теджу Коула «Открытый город» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 124–130. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-124-130

Теджу Коул (Teju Cole, род. 1975) – современный американский писатель, фотограф, эссеист и гарвардский профессор. Являясь нигерийцем по происхождению, Т. Коул уже долгое вре-

мя живет в США и в своем как словесном (литературном и публицистическом), так и фотографическом творчестве исследует проблемы этноса, расы, взаимодействия культур и традиций,

привязывая их к городскому пространству. Уже первый роман автора «Every Day is for the Thief», написанный в 2007 году и на данный момент не переведенный на русский язык, посвящен именно городу. В манере, которая в дальнейшем станет его визитной карточкой, писатель смешивает автобиографические фрагменты с вымыслом, повествуя о взрослении своего альтер-эго в крупнейшем нигерийском городе Лагосе. Второй же роман, «Открытый город» («Open City», 2012), принес известность и множество наград молодому автору, зафиксировав, во-первых, своеобразную автофикциональную манеру письма Т. Коула, во-вторых, продемонстрировав его необычный взгляд на урбанистическое пространство Нью-Йорка, казалось бы, столь привычное коренным американцам. Таким образом, целью нашей работы становится рассмотрение взаимосвязи художественной ткани текста романа с реальной действительностью в контексте социальных особенностей городского пространства, для чего мы обращаемся не только к сфере литературоведческого анализа, но и к социальной антропологии, урбанистике и культурологии. Именно кросс-дисциплинарное исследование, с одной стороны, обеспечивает новизну нашей работы, с другой – позволяет всесторонне проанализировать исследуемый нами вопрос.

Творчество Теджу Коула получало определенное осмысление в отечественном литературоведении, однако каждый из ученых подходил к исследованию с какой-либо одной точки зрения: Т. М. Гавристову интересуют в первую очередь политическая идентичность автора [1], З. В. Мокрушину – его публицистическая деятельность [2]; Ю. В. Стулов описывает городское пространство в романе, не выходя на уровень реальной социальной репрезентации [3], а И. В. Щепачева анализирует «ситуацию мультикультурности», затрагивая вопрос функционирования нарратора внутри мегаполиса, но не ставя его во главу угла [4]. Используя концепции Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, Л. Вирта, З. Баумана, Р. Сеннета и Т. Блокланд, мы предлагаем рассмотреть, как воплощается настоящая социокультурная ситуация в Нью-Йорке после теракта 11 сентября во вторичной реальности текста Т. Коула, обратившись к теории сообществ, связывающей воедино урбанистические, социологические, антропологические и культурологические исследования.

Городская среда напрямую влияет на социальные контакты. Плотность и размер населения воздействуют на количество и качество межличностных взаимодействий, радикально меняющих свой характер по сравнению с субурбией. Один

из ведущих представителей Чикагской социологической школы Луис Вирт предлагает делить подобные контакты на первичные, характерные для сельских жителей, и вторичные, свойственные горожанам: «контакты в городе, даже если они происходят лицом к лицу, безличны, поверхностны, мимолетны и сегментарны» [5, с. 25]. Еще раньше в своей фундаментальной работе «Демократия в Америке» писал об этом Алексис де Токвиль, чью формулу эры индивидуализма можно экстраполировать и на современность: «каждый из них, взятый в отдельности, безразличен к судьбе всех прочих ... Что же касается других сограждан, то он находится рядом с ними, но не видит их; он задевает их, но не ощущает; он существует лишь сам по себе и только для себя» [6, с. 497]. Аналогичной точки зрения придерживается и видный британский социолог польского происхождения Зигмунт Бауман, говоря о необходимости различения духовной и физической близости: вторая, неизбежно возникая в переполненном мегаполисе, не только не ведет к первой, но и даже скорее исключает ее: «в спрессованном пространстве города физическая близость существует одновременно с духовной отдаленностью» [7, с. 46]. В конце концов, классик городских исследований Георг Зиммель в своей знаменитой работе «Большие города и духовная жизнь» опасается того, что урбанизация приведет к состоянию атомизации, гражданского одиночества и разединенности [8].

Все это приводит к пониманию, что для преодоления социальной энтропии и обособленности необходимо искать точки соприкосновения с окружающими, чтобы превратить чужого в другого, без которого личность в социуме не способна существовать (поскольку он всегда необходим для процесса самоидентификации). Подобным средством становится включение в 'сообщество' – так на русский язык можно перевести английский термин community. Причем если раньше при помощи данного понятия осмыслились достаточно обширные группы, например класс, этнос, религиозная принадлежность или место жительства, то сейчас в обиход вводится уточненный термин «персональное сообщество». Современная немецко-нидерландская исследовательница Талья Блокланд в своей монографии «Сообщество как городская практика» ссылается в первую очередь на труды Рэя Пала, в которых тот дает определение персональным сообществам как «собраниям важных личных связей, в которые погружены люди» [9, с. 20]. «Контакты, выстроенные в течение долгого времени, <дают людям> ощущения преемственности, идентично-

сти и принадлежности» [9, с. 47]. Это не означает, что современные сообщества больше не выстраиваются по базисным критериям – однако необходимо отметить, что фундаментальные понятия расы, этноса, религии, принадлежности к социальному классу или городскому району уже не являются облигаторными для построения полноценного сообщества.

Кратко ознакомившись с основными тезисами ведущих исследователей в сфере социологии города, предлагаем обратиться к роману Теджу Коула для того, чтобы увидеть, как социальные контакты и сообщества функционируют в рамках художественного дискурса. Выбор объекта исследования неслучаен: «Открытый город» принадлежит к жанру автофикшна – жанру, намеренно размывающему границу между фактографическим и вымышленным. В нем всегда ярко выражено личностное, зачастую даже исповедальное начало, а в основу повествования ложится реальный опыт – однако этот опыт чаще всего свидетельствует не об уникальном, а о социальном, групповом переживании, что приводит к тому, что за я-повествованием чаще всего скрывается обезличенное «мы». Кажется, что рассказчик в романе достаточно конкретен: мы знаем его имя (Джулиус), детали его биографии и происхождения (он – сын нигерийца и немки, фактически сбежавший из Нигерии в США от войны и ради поступления в университет), его профессию (он оканчивает ординатуру по психиатрии) и вкусы и увлечения (классическая музыка, постколониальная философия, практически бодлеровское фланерство – и орнитология, которая в принципе является достаточно популярной темой для автофикшна: можно вспомнить дилогию «Выгон» и «Момент» Эми Липтрот, «Птицы, искусство, жизнь: год наблюдений» Кио МакЛир или «К реке: путешествие под поверхностью» Оливии Лэнг). Однако с течением времени надежность рассказчика начинает ставиться под сомнение, а составляющие его биографии оказываются в лучшем случае приукрашенными.

Весь роман – это внутренний монолог героя, однако монолог не в стиле модернистского потока сознания или прустовского ассоциативного монтажа, а монолог выверенный, очищенный от лишнего, прошедший внутреннюю цензуру. В романе, лишенном сюжета в классическом понимании этого слова, мы наблюдаем удивительно много подробностей и деталей – имена культурных деятелей, названия прослушанных композиций, маршруты передвижения, – но только не настоящий внутренний голос и саморефлексию. Показателен эпизод с В. – так зовут пациентку Джулиуса, писательницу, которую он кон-

сультирует. Отстраненно воспринимая ее проблемы, в какой-то момент он уходит в отпуск – и уже в нем узнает о ее смерти. Но вся ситуация, в которой об этом рассказывается читателю, выглядит следующим образом: Джулиус сидит в парке Боулинг-Грин и наблюдает игру на эрху и танцующих под музыку людей, в какой-то момент внезапно выпуская наружу это знание:

«В „Нью-Йорк Таймс“, в некрологе, прочитанном мной в тот день, говорилось, что В. писала о зверствах бестрепетно. А могли бы написать „без трепета, который был бы замечен со стороны“, ведь все это на нее действовало, подспудно, на глубоко затаенном – никто бы ни за что не догадался – уровне. Вряд ли я смогу вообразить, как сейчас мучительно больно ее родным – мужу, отцу, матери. Я вернулся к холму в месте, где раньше вошел в парк. Женщины все еще танцевали» [10, с. 162] (здесь и далее текст романа цитируется в переводе С. Силаковой. – Е. К.).

Не прерывая мысли, в рамках одного абзаца Джулиус, будто бы спохватываясь, смещает фокус своего внимания обратно на окружающий мир – и этот фокус на протяжении практически всего романа направлен именно вовне, а не внутрь. Мы редко видим мысли рассказчика, он практически не участвует в беседах – лишь фиксирует слова собеседников. Ричард Сеннет, описывая современное пространство Нью-Йорка, говорит о нем и обо всех мегаполисах в целом как о пространствах взгляда, а не разговора. Это приводит к тому, что «чем сложнее ... добиться продолжительной устной коммуникации между незнакомцами, тем более мимолетными становятся порывы сопереживания, которые горожанин способен испытывать при наблюдении за окружающим миром и которые превращаются в секундную реакцию при взгляде на стоп-кадр» [11, с. 440].

Джулиус находится в том, что Т. Блокланд называет «континуумом приватности»: «сохранение приватности означает удержание контроля над фактурой нашей жизни, в особенности по отношению к значимым другим <...> Приватность является важной частью безопасности нашего существования и нашего опыта собственного „я“» [9, с. 123–124]. Интересно, что свой внутренний мир Джулиус охраняет не только от читателя, но даже от самого себя – концовка романа демонстрирует нам тайну из прошлого рассказчика, которую он вытеснил из своей памяти, предал забвению как слишком травматический опыт, что как раз и помогает окончательно определить нарратора романа как ненадежного.

Важно подчеркнуть, что «значимых других» из определения Т. Блокланд вокруг Джулиуса

нет: он оторван от семьи, оставшейся на другом континенте; единственный человек, которого Джулиус хотел бы видеть, – это бабушка, живущая в Брюсселе, однако ни адреса, ни телефона ее у рассказчика нет; у него практически нет друзей, человек, которого он так называет, появляется в тексте романа всего два раза, а разговоры их сводятся к городской живности и музыке; даже с коллегами Джулиуса мы практически не знакомимся. Нарратор лишен первичных контактов: желание сохранить анонимность и приватность определяют способ его социального взаимодействия. Джулиус – типичный горожанин, практически иллюстрация словам Л. Вирта, посвященным городскому образу жизни: «замещение первичных контактов вторичными, ослабление родственных уз, дезорганизация семьи, исчезновение соседских отношений и подрыв традиционных основ общественной солидарности» [5, с. 40]. Вслед за Т. Блокланд коммуникативные практики рассказчика можно обозначить как мимолетные столкновения и вежливое невнимание: «мы осознаем присутствие других, но действуем так, как будто их игнорируем. Мы считаем тактичным не вмешиваться в дела других; мы не хотим, чтобы всякий приветствовал нас на улицах большого города» [9, с. 91]. Показательна в этом плане сцена, в которой на улице с героем здоровается некий «старик с пепельным лицом и желтыми глазами навывкате», что приводит к дающемуся в скобках мучительно быстрому, соединяющемуся запятыми внутреннему монологу:

«...а я (на миг подумав, что наверняка знаком с ним, или когда-то был знаком, или где-то его раньше видел, но, отбросив все эти предположения одно за другим, а затем испугавшись, что от стремительности этих ментальных диссоциаций голова пойдет кругом) ответил на его безмолвное приветствие» [10, с. 19–20].

Ситуация, когда анонимность и приватность нарушаются, приводит Джулиуса почти к панике – настолько непривычен он к прямому взаимодействию с людьми. Любопытна мысль, завершающая этот абзац: «в гарлемской ночи не было белых» – мысль, которую рассказчик будет опровергать на протяжении всего оставшегося романа.

Джулиус не идентифицирует себя ни с американцами (по гражданству и месту проживания), ни с африканцами (по происхождению), ни с афроамериканцами как сообществом. Причем эта отчужденность проистекает еще из детства: будучи ребенком смешанной расы, он не чувствует себя своим ни в Нигерии, ни в США, ни в Брюсселе, куда прибывает на поиски своей свет-

локожей бабушки-бельгийки. Важно, что эта алиенация является продуктом скорее внутреннего мира Джулиуса, а не внешнего: он ощущает собственную чуждость, поэтому дистанцируется от окружающих его людей. Причем сами люди вокруг нарратора зачастую принимают его за своего, за часть сообщества. Темнокожий таксист обижается на Джулиуса за то, что тот не поздоровался, сев в автомобиль («Але, я тоже африканец, такой же, как вы, зачем вы так?») [Там же, с. 41]), работник почты и по совместительству непризнанный поэт снимает официальную маску служащего при разговоре с ним («Послушайте, брат мой, откуда вы? Потому что я-то, знаете ли, вижу, что вы из Матери-Африки») [Там же, с. 182]), молодой иммигрант из Либерии, проделавший долгий и опасный путь, нелегально пересекший границу и уже несколько лет ожидающий депортации в центре временного содержания в Куинсе, первым делом вместо приветствия «улыбнулся и спросил, не африканец ли <Джулиус>» [Там же, с. 63]. Как отмечают социальные антропологи, само укрепление этнических сообществ не только и не столько на родине, где они появляются сами по себе, сколько за пределами континента в принципе характерно для африканцев. Например, Т. Блокланд указывает на то, что выходцы из Африки «разыгрывали транслокальность и „изобретали сообщество“ „африканских братьев“ во все более фрагментированном транснациональном пространстве», ссылаясь также, например, на работу Абдумалика Симона о социальных измерениях городского пространства в Африке, в которой тот отмечает, что «каждый там всегда претендует на то, чтобы быть „твоим братом“» [9, с. 55].

Однако сам рассказчик не чувствует этого братства, не ощущает себя «таким же» – для него этнический критерий не ложится в основу формирования сообщества или социальной сети (в изначальном смысле данного термина). Гораздо ближе ему иная оптика, предложенная еще классиком постколониальных исследований Эдвардом Саидом, протестовавшим против западной тенденции к гомогенизации азиатских и африканских культур и этносов. Обозначить данный подход можно термином «несходство», которое особенно ярко проявляется именно в рамках локальности города. «Если учесть, что возраст, пол, раса и этническое происхождение связаны с другими факторами, такими как род занятий и интересы, становится ясно, что одной из важнейших характеристик горожанина является его несходство с другими» [5, с. 38], – пишет Луис Вирт в эссе «Урбанизм как образ жизни». О несходстве

Джулиус, будучи в Бельгии, разговаривает с одним из важнейших с идейной точки зрения персонажей в романе, администратором интернет-кафе Фаруком, марокканцем по происхождению. Несмотря на то что нарратор «фальшиво» и «фамильярно» обращается к нему так, как обращались к самому Джулиусу раньше («*Как ваши дела, брат мой?*» [10, с. 99]), однако выстроить персональное сообщество оказывается невозможным, причем именно по причине несходства. Похожие в том, что представляют недоминантный этнос в своей новой стране, в образованности, начитанности и магистральном взгляде на мир, эти люди все равно отличаются друг от друга. Фарук настроен более радикально, говоря о доминирующей западной установке на то, что *«несходство, обладающее своей, неотъемлемой ценностью, просто неприемлемо»* [Там же, с. 102], спорит с христианской догматикой о смирении, произносит знаковую фразу: *«Мы не монолитные, ... каждый из нас – индивидуальность»* [Там же, с. 124], и, необходимо это отметить, Джулиус чуть ли не впервые за роман вступает в полноценную коммуникацию. Становится это возможным из-за общей системы координат, общей используемой терминологии – Фарук с Джулиусом понимают друг друга, даже несмотря на то, что для первого язык коммуникации – английский – является неродным. Но именно эти видимые общие черты еще ярче подчеркивают общее несходство: разное происхождение, разное прошлое, разный жизненный опыт и т. д. Их жизни нельзя свести к стереотипу «виктимизированного другого», они абсолютно самостоятельны. И хотя Джулиус сопоставляет свое положение с Фаруком (*«в глазах незнакомцев я выглядел смуглым, неулыбчивым, одиноким чужаком, а значит, наверняка возбуждал смутную ярость»* [Там же, с. 104]), он отвергает идею монолитной идентичности именно в пользу несходства и разнообразия.

Можно заметить, что это проявляется даже в способе видения рассказчиком мира: практически всех встречаемых, пусть даже мельком, людей он пытается идентифицировать по расе, происхождению и национальности: *«...справа, в боковом нефе пять пар игроков, все чернокожие. По ту сторону, в другом длинном боковом нефе – еще одна пара мужчин, оба белые»* [Там же, с. 46]; *«группа бангладешцев»* и *«необычайно много пар смешанной расы. Одна пара состояла, по моим догадкам, из афроамериканки и вьетнамца»* [Там же, с. 214]; *«девушка азиатской внешности»* [Там же, с. 225]; *«увидел еще одного – то ли доминиканца, то ли пуэрториканца»* [Там же, с. 236]. Для Джулиуса мир неоднород-

ден, негомогенен, при этом само по себе несходство для него ценно: он не ратует за «плавильный котел» для исчезновения этнического вопроса как такового, он видит и ценит разницу культур и самобытность их представителей. Не поддерживает он и радикальный тип т. н. «расовой слепоты» (racial color blindness), предлагающей игнорирование цвета кожи и происхождения, а не принятие и уважение их всех в равной степени.

Показательно, что второй человек, с которым нарратор находит общий язык, – такой же друг: это профессор Сайто, американец японского происхождения, долгое время проживший в Лондоне. Именно несходство объединяет их: каждый из персонажей чувствует себя если не аутсайдером или изгоем, то как минимум иным, человеком со сложно конструируемой идентичностью, постоянно вступающей в противостояние с окружающими (по принципу «я/мы vs. они») и с реальной действительностью. Например, с началом Второй мировой войны вся семья Сайто была направлена в лагерь для интернированных, что вызывает у того внутренний диссонанс: *«...ведь мы всегда были американцы, всегда считали себя американцами, а не японцами»* [Там же, с. 14]. Встречи восьмидесятилетнего преподавателя на пенсии и молодого ординатора-психиатра, на первый взгляд, кажутся странными – но именно друг в друге они находят отражение этого инакового опыта в стране, частью которой они себя считают, но которая так и не принимает их до конца. Впрочем, становления даже персонального сообщества не происходит и здесь: Джулиус скрытен, профессор – прямолинеен и прямодушен, Джулиус по-прежнему находится в процессе самоидентификации, Сайто однозначно идентифицирует себя как американца – поэтому нарратор даже пропускает известие о смерти своего товарища, узнавая о ней постфактум от сиделки профессора. Про других же коллег в романе не сказано почти ни слова: существуя внутри двух миров, университетского и медицинского, Джулиус находится как будто бы в вакууме, не заводя связей и не встраиваясь и в профессиональное сообщество.

Подводя итог, стоит отметить, что термином, наиболее точно характеризующим социокультурную ситуацию в США после 9/11, становится «аномия» (и важно указать, что сам нарратор использует это понятие в романе). Введенная в научный дискурс французским социологом Эмилем Дюркгеймом в конце XIX столетия, аномия характеризует энтропическое состояние общества – нестабильность, социальную дезорганизацию, разрушение единых систем норм, морали и

культуры и т. д. Уже сам Э. Дюркгейм связывал становление данного явления с индустриальной революцией и развитием технологий, продолжает же его осмысление Луис Вирт, называющий аномией ситуацию, когда «индивид <в городском пространстве>, с одной стороны, достигает некоторой степени эмансипации, или свободы от личного и эмоционального контроля со стороны близких ему групп, с другой стороны, теряет непринужденность самовыражения, моральный дух и чувство причастности, сопутствующее жизни в интегрированном обществе» [5, с. 25]. Более того, с макроуровня аномия переходит и на уровень отдельной личности: «кризисное состояние общества приводит – при совпадении объективных и субъективных факторов – к личностной дезорганизации, нарушению общепринятых норм, девальвации ценностей» [12, с. 69]. Рассказчик в «Открытом городе» сам ощущает аномичное состояние социума, раздираемого внутренними противоречиями, и видит все ширящееся зияние между разными концами политического и социального спектра: «...страну захлестнула неопределенность – атмосфера аномии была заметна даже туристу» [10, с. 97]. Справедливости ради стоит отметить, что речь в этом фрагменте идет о Бельгии, однако, как мы уже выяснили, нарратор в романе не равен автору и не является всеведущим, поэтому то, что не замечает он, видно читателю: атмосфера аномии характерна и для США, и для всего современного мира. Именно она влияет на разрушение первичных социальных контактов, групповых и персональных сообществ и социальных сетей. Более того, она воздействует и на индивида, теряющегося в процессе поиска своей идентичности и, в духе постмодернистской чувствительности, теряющего ориентиры и систему координат. Глобальное пространство мегаполиса лишь увеличивает разрыв между личностью и социумом, подменяя короткую коммуникативную дистанцию и духовную близость между субъектами дистанцией и близостью физической и приводя к социальной атомизации. Это ощущение приводит к различению несходств с окружающими, которое, с одной стороны, не позволяет возникнуть чувству принадлежности или причастности к той или иной социальной группе, с другой, однако, подчеркивает ценность и цельность каждого индивидуума в урбанистическом локусе.

Работа выполнена в Научно-исследовательской лаборатории «Изучение национально-культурных кодов мировой литературы в контексте межкультурной коммуникации» Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лоба-

чевского в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» (тема Н-457-99_2022-2023).

The reported paper was conducted in the research laboratory “Studying of the national-cultural codes of world literature in the context of cross-cultural communication” in Institute of Philology and Journalism in Lobachevsky State University within the Program of strategic academic leadership “Priority 2030” (project number N-457-99_2022-2023).

Список источников

1. Гавристова Т. М. Афрополитизм: альтернатива космополитизму или трансформация идентичности? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. № 2. С. 159–172.
2. Мокрушина З. В. Нигерийские публицисты: от исторического конструктивизма к историческому настоящему // Кунсткамера. 2019. № 4 (6). С. 89–98.
3. Стулов Ю. В. Вглядываясь в городское пространство Нью-Йорка: роман Т. Коула «Открытый город» // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 15–16 апреля 2021 г.: в 5 ч. Минск: МГЛУ, 2021. Ч. 4. С. 183–186.
4. Щепачева И. В. Ситуация мультикультурности в романе Теджу Коула «Открытый город» // Litera. 2023. № 3. С. 190–199. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.40056.
5. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М.: Strelka Press, 2018. 180 с.
6. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
7. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. 255 с.
8. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 112 с.
9. Блокланд Т. Сообщество как городская практика. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 232 с.
10. Коул Т. Открытый город. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 256 с.
11. Сеннет Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. 504 с.
12. Хансо М. Д. Аномия как социальный феномен // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3 (47). С. 65–70.

References

1. Gavristova, T. M. (2017). *Afropolitizm: al'ternativa kosmopolitizmu ili transformatsiya identichnosti?* [Afropolitism: An Alternative to Cosmopolitism or a Transformation of Identity?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. T. 9, No. 2, pp. 159–172. (In Russian)
2. Mokrushina, Z. V. (2019). *Nigeriiskie publitsisty: ot istoricheskogo konstruktivizma k istoricheskomu nastoyashchemu* [Nigerian Publicists: From Constructing History to the Historical Present]. *Kunstkamera*. No. 4 (6), pp. 89–98. (In Russian)

3. Stulov, Yu. V. (2021). *Vglyadyvayas' v gorodskoe prostranstvo N'yu-Jorka: roman T. Koula : "Otkrytyi gorod"* [Looking at the Urban Space of New-York: The Novel "Open City" by Teju Cole]. *Materialy ezhegodnoi nauchnoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov universiteta*, 15–16 aprelya 2021 g.: v 5 ch. Minsk, MGLU. Ch. 4, pp. 183–186. (In Russian)
4. Shchepacheva, I. V. (2023). *Situatsiya mul'tikul'turnosti v romane Tedzhu Koula "Otkrytyi gorod"* [The Multicultural Situation in the Novel "Open City" by Teju Cole]. *Litera*. No. 3, pp. 190–199. (In Russian)
5. Virt, L. (2018). *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a Way of Life]. 180 p. Moscow, Strelka Press. (In Russian)
6. Tokvil', A. de. (1992). *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. 554 p. Moscow, Progress. (In Russian)
7. Bauman, Z. (1996). *Myslit' sotsiologicheski* [Thinking Sociologically]. 255 p. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
8. Zimmel', G. (2018). *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [The Metropolis and Mental Life]. 112 p. Moscow, Strelka Press. (In Russian)
9. Blokland, T. (2023). *Soobshchestvo kak gorodskaya praktika* [Community as Urban Practice]. 232 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
10. Koul, T. (2022). *Otkrytyi gorod* [Open City]. 256 p. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian)
11. Sennet, R. (2016). *Plot' i kamen': Telo i gorod v zapadnoi tsivilizatsii* [Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization]. 504 p. Moscow, Strelka Press. (In Russian)
12. Napso, M. D. (2017). *Anomiya kak sotsial'nyi fenomen* [Anomie as a Social Phenomenon]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. Seriya: Sotsial'nye nauki. No. 3 (47), pp. 65–70. (In Russian)

The article was submitted on 05.07.2023

Поступила в редакцию 05.07.2023

Куликов Евгений Андреевич,
кандидат филологических наук,
доцент,
ННГУ им. Н. И. Лобачевского,
603022, Россия, Нижний Новгород,
пр. Гагарина, 23.
kulikov@flf.unn.ru

Kulikov Evgeniy Andreevich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Lobachevsky State University,
23 Gagarin Avenue,
Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation.
kulikov@flf.unn.ru